Пеганов А.О. Словацко-венгерские отношение в зеркале германо-советского противостояния в 1939 - 1941 гг / А.О. Пеганов // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 183-191.

А. О. Пеганов

СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В 1939—1941 гг.*

Особые отношения Германии и СССР в 1939—1941 гг. создали своеобразный контекст международных отношений, при котором Словакия и Венгрия, две «непримиримые союзницы» Третьего рейха, лавируя, извлекали выгоды из дипломатического противостояния Берлина и Москвы, а те стремились использовать малые государства в своих интересах. Проблема словацко-венгерских отношений в этот период активно разрабатывается. Начало их исследованию в контексте советско-германских контактов положили работы Д. Чиерна-Лантайовой [1], И. Янека [2] и В. В. Марьиной [3]. Ключевые источники опубликованы в венгерских [4—6], немецких [7—13] и российских [14—19] сборниках документов. Новейшая публикация — подготовленный М. Крайчовичем источниковый компендиум по истории словацко-венгерских отношений 1927—1944 гг. [20].

Словакия и Венгрия накануне Второй мировой войны. Основу словацко-венгерского конфликта составляли взаимные территориальные притязания. Венгрия боролась за возвращение «исторических» земель, потерянных в результате Первой мировой войны, в том числе словацких и подкарпатских земель, вошедших в состав Чехословакии. Однако первый успех Венгрии, вернувший ей в ноябре 1938 г. 10 тыс. кв. км южнословацких территорий, заложил платформу взаимных территориальных претензий Братиславы.

В середине марта 1939 г. Германия, ловко сыграв на словацкой мадьярофобии, добилась «самораспада» Чехо-Словацкой республики (далее Ч-СР). 14 марта 1939 г. словацкий парламент, проинформированный Гитлером об угрозе венгерской оккупации, проголосовал за независимость. Германия присоединила Чехию, одновременно заключив с братиславским правительством Й. Тисо «Охранный договор» (обязавшись в обмен на проведение общей внешней политики с Германией защищать суверенитет и территориальную целостность Словакии [7, doc. 40, p. 42—43]), а Венгрия аннексировала Подкарпатскую Русь.

Глава НКИДа СССР М. М. Литвинов выступив против «дирижированного» распада Ч-СР и «грубого вторжения венгерских войск в Карпатскую Русь» [14, док. 151, с. 202—204], словацкую просьбу о признании оставил без ответа [14, док. 168, с. 220—221]. Тем не менее переход Подкарпатской Руси в венгерские, а не немецкие руки был встречен с удовлетворением в Москве, поскольку ликвидировался очаг украинского национализма [21, с. 50].

Несмотря на то что Венгрия признала Словакию де-юре уже 14 марта 1939 г., между Будапештом и Братиславой вскоре разгорелся спор о подкарпатском участке общей грани-

* Статья выполнена в рамках гранта «(Чехо-)словацко-венгерские отношения в 1938/39—1945 гг.» (№ 51000879), поддержанного Международным Вышеградским фондом на базе Института истории Академии наук Словакии.

Пеганов Александр Олегович — аспирант кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета

цы. 23—24 марта 1939 г. венгерские части заняли ряд восточнословацких районов. После пограничных столкновений Братислава получила из Берлина рекомендацию сесть с венграми за стол переговоров. Робко заступившемуся за словаков немецкому посланнику в Будапеште О. Эрмансдорфу министр иностранных дел Венгрии И. Чаки резко ответил, что «куда ступит нога венгерского солдата, там она и останется» [4, dok. 56, old. 140—141]. Подписанный 4 апреля 1939 г. Будапештский договор зафиксировал передачу в состав Венгрии около 1050 кв. км, населенных преимущественно русинами, которых правительство П. Телеки якобы хотело «воссоединить» с остальным русинским народом [22, dok. 200—201, s. 383—384].

Назревающий германо-польский конфликт позволял рассматривать Словакию как возможный военный плацдарм для нападения на Польшу. 22 мая 1939 г. при встрече берлинских посланников Великобритании и Словакии, Н. М. Гендерсона и М. Чернака, англичанин указал, что выходом для Братиславы будет проведение нейтральной политики, тем более что Берлин больше ценил дружбу с Будапештом, чем с Братиславой [23].

Росли международные связи нового государства. В течение марта — июля 1939 г. о признании Словакии заявили Берлин, Рим, Будапешт, Варшава, Ватикан, Мадрид и Берн [24], Лондон [20, dok. 214, s. 336] и Париж. В последующем Словакию признало еще почти два десятка государств. Однако отношения Братиславы с Будапештом застыли на мертвой точке. В то время как в Словакии пропагандировалось присоединение венгерских территорий вплоть до Ваца и Эстергома [20, dok. 232, s. 343—344], в Братиславу приходили тревожные новости о стягивании венгерских войск к словацкой границе [25] и кампании по сбору подписей в Восточной Словакии среди русинского населения за присоединение края к Венгрии [26].

Тем не менее словацкие дипломаты, опасаясь возможного поражения Германии в будущей войне, предостерегали от «напрасного досрочного сожжения всех мостов» и предлагали улучшить отношения с Польшей и Венгрией [27]. 6 июля 1939 г. премьер-министр Й. Тисо, встретившись с лидером венгерского национального меньшинства Словакии Я. Эстерхази, настаивал на нормализации отношений между Венгрией и Словакией [28]. Словацкий же посланник в Риме Й. Звршковец в разговоре с венгерским посланником Фр. Виллани указал, что цель сближения между двумя странами – совместное противостояние «двойной игре» Берлина, который настраивает друг против друга словаков и мадьяр [29]. Однако словацкая инициатива не нашла отклика в Будапеште.

Явное сближение Будапешта с осью Рим — Берлин (подписание Антикоминтерновского пакта 24 февраля 1939 г., выход из Лиги Наций 11 апреля 1939 г.) не помешало 24 июля 1939 г. премьер-министру Венгрии П. Телеки сообщить Гитлеру, что Венгрия не сможет принять участие в вооруженном конфликте против Польши [7, doc. 712, p. 972—974]. Глава венгерского МИДа И. Чаки указывал, что участие Венгрии в войне поставит Венгрию в неудобное положение против Словакии [4, dok. 103-a, old. 200—201]. Делясь своими опасениями с итальянцами, Чаки предполагал, что Словакия, с немецкой поддержкой, готова пойти на провокацию приграничных инцидентов, с тем чтобы добиться ревизии границы [20, dok. 241, s. 346], на что министр иностранных дел Италии Г. Чиано рекомендовал венграм «обращаться со словацким вопросом с наибольшей осторожностью» [4, dok. 253, old. 400].

Накануне операции против Польши Берлин потребовал от Й. Тисо прекратить любые контакты с Польшей, идущие вразрез с германскими интересами [7, doc. 768, p. 1063—1064]. За это Гитлер обещал Словакии гарантию ее границ с Венгрией и возврат территорий, переданных Польше осенью 1938 г. [8, doc. 214, p. 229—230]. Мадьярам он сулил поддержку будущих ревизий, намекая и на изменение статуса Словакии [7, doc. 768, p. 1093—1100].

Германо-польская война и словацко-венгерские отношения. В начавшейся 1 сентября 1939 г. войне Словакия и Венгрия первоначально оказались в разных лагерях. Словацкая армия, приняв участие в операциях вермахта, была «премирована» 770 кв. км польских территорий с 34 тыс. жителей [20, doc. 322, s. 369]. Венгрия, оставаясь нейтральной, симпатизировала

Польше, приняв на свою территорию более 100 тыс. польских беженцев и солдат [30], а также около 400 дезертировавших словацких призывников [31]. Согласно словацким данным, группы венгерских добровольцев даже были направлены в Польшу [32].

На венгерском фоне позиция Братиславы придала Словакии ряд плюсов в глазах немцев. 11 сентября 1939 г. Братислава потребовала у Будапешта разрешения на проезд словацких армейских частей в Польшу через Кошице [33]. Опасаясь, что истинной целью требования была оккупация бывших словацких территорий (что подтверждала усиливающаяся в Словакии пропаганда ревизии), Венгрия отказала и усилила свою северную границу [9, doc. 45, 49, p. 43, 46—47]. Раздраженный министр иностранных дел Германии И. Риббентроп порекомендовал И. Чаки быть аккуратнее со словаками: «Любое недружелюбное действие против Словакии будет причиной соответствующей реакции Германии» [9, doc. 67, p. 63—64]. Венцом «польской кампании» для Братиславы стало данное Гитлером 21 ноября 1939 г. обещание поднять словацкий вопрос в Венгрии в будущем [9, doc. 286, p. 326—329].

Заручившись «словом» фюрера, в Словакии посчитали, что удобный момент для выставления территориальных претензий к Венгрии настанет при поднятии Будапештом «трансильванского вопроса». 1 декабря 1939 г. словацкий посланник в Белграде Й. Циекер передал своему румынскому коллеге, что Словакия может выставить требование о возвращении этнически словацких районов Венгрии, если Будапешт станет претендовать на румынские территории [34]. Пересмотрев свое отношение к северному соседу, Будапешт пошел в сентябре — октябре 1939 г. на ряд мер по «умиротворению» Словакии: приступил к экономическим переговорам с Братиславой [35, s. 57], рекомендовал администрации Верхней Венгрии «приветливо» обращаться с местными словаками [36] и подписал два секретных договора с Братиславой. По ним вводился «печатный мир» (обоюдный отказ от ведения ревизионистской пропаганды [37, s. 13]) и гарантировался минимум прав меньшинствам [35, s. 61]. Встретившись с венгерским посланником в Белграде 17 октября 1939 г., Й. Циекер заявил, что достижение нормальных отношений между Братиславой и Будапештом возможно только в случае предоставления словакам в Венгрии школьных, религиозных и политических прав [38].

Появление советского фактора во внешнеполитических калькуляциях Братиславы и Будапешта. На фоне проходящей советско-немецкой «оттепели» лета 1939 г. Москва стала размораживать свои отношения с Будапештом. А. Колонтари, ссылаясь на весьма спорную «речь Сталина 19 августа 1939 г.» [см. 39], предполагает, что Кремль, планируя летом 1939 г. советское проникновение в Европу, относил Венгрию в будущую сферу влияния СССР [40, p. 327].

Осенью 1939 г. началась активизация советского присутствия в Центральной Европе. 15 и 18 сентября 1939 г. словацкий и венгерский МИДы получили сообщения о намерении СССР установить (в венгерском случае — восстановить) прямые дипломатические отношения [14, док. 582, с. 80; 39, p. 315]. Немаловажно, что завершение германо-советского «раздела» Польши сделало из СССР и Венгрии соседей. 25 сентября 1939 г. Красная армия, продвигаясь по Западной Украине, вышла к венгерской границе на карпатском участке [40, p. 330].

Это привнесло новые перспективы в планы словацких и венгерских политиков, видевших в СССР противовес Германии. В Будапеште также наметили антирумынскую комбинацию: 27 сентября 1939 г. Чаки передал итальянцам, что при оккупации СССР Бессарабии Венгрия выставит свои претензии на Трансильванию [4, dok. 416, o. 544]. Братислава, по мнению В. В. Марьиной, рассчитывала на советскую поддержку против Венгрии, что могло быть облегчено конфликтом между СССР и Венгрией за Подкарпатье [41, с. 15].

26 сентября 1939 г. словацкий вице-премьер В. Тука предвещал Эстерхази, что Подкарпатье станет причиной проблем между СССР и Венгрией [42]. Словацкие посланники в Будапеште и Берлине, встречаясь с советскими коллегами, напоминали, что в Венгрии проживает 600 тыс. словаков, которые хотят вернуться в состав Словакии, и о желании населения Карпатской Украины присоединиться к СССР [14, док. 712, с. 210—211; 39, p. 330].

Война Германии на западе давала Словакии возможность для маневра. В апреле 1940 г. словацкий функционер Й. Киршбаум передал советскому полпреду Г. М. Пушкину, что Словакия может принять участие в войне против Венгрии, для чего ее должна поддержать некая другая держава [1, s. 162]. В мае 1940 г. среди дипломатов в Москве циркулировал слух, что СССР дал гарантию Словакии против нападения Венгрии [43, dok. 170, o. 243].

Апогей словацких надежд на СССР пришелся на июнь 1940 г., совпав с присоединением к СССР Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Глава политического отдела МИДа Словакии Й. Мрачна сообщил советской миссии, что Словакия хочет сесть с Венгрией за стол переговоров. В отличие от Мрачна, только намекавшего на желательность советской оккупации Подкарпатья [1, s. 167], министр иностранных дел Словакии Ф. Дюрчанский прямо спрашивал Пушкина: «Когда вы уже займете Карпатскую Украину?» [44, s. 167].

Советские дипломаты отмалчивались или опровергали заинтересованность в Карпатской Украине [14, док. 712, с. 210—211]. Устав от очередного вопроса об агрессивных планах Кремля относительно Подкарпатья, полпред в Будапеште Н. И. Шаронов заявил югославскому посланнику С. Рашичу, что «нашего нападения никому не дождаться» [19, док. 1, с. 13—16]. Тем не менее, не оспаривая Подкарпатье прямо у Венгрии, в Москве туманно намекали (как это сделал Молотов в беседе с немецким посланником В. Шуленбургом 25 июня 1940 г. [15, док. 225, с. 374—376]), что в будущем СССР поставит вопрос принадлежности края.

Не желая осложнений с Третьим рейхом, Москва не собиралась углублять свои отношения с Братиславой. 24 июня 1940 г. Пушкин, встречаясь с немецким посланником Г. Бернардом, подтвердил, что Словакия находится в немецкой зоне влияния [11, doc. 217, p. 284]. Летом 1940 г. в НКИДе предполагали два варианта использования Словакии во внешней политике Германии, причем оба были завязаны на Венгрии – Словакию могли передать Венгрии либо использовать ее как плацдарм для нападения на Венгрию [1, s. 163].

Приняв немецкую протекцию над Словакией, Кремль вынашивал совершенно другой сценарий для развития советско-венгерских отношений. Венгрия, население которой увеличилось в 1939—1941 г. с 9,3 до 14,6 млн чел., представляла для Москвы (как и для Берлина), гораздо больший стратегический интерес, нежели Словакия с ее 2,6 млн жителей. Не случайно обмен представителями произошел между СССР и Венгрией уже осенью 1939 г. [14, док. 721, с. 220—221], в то время как прямые дипотношения с Братиславой Москва установила только в течение зимы 1939—1940 г. [44, s. 100, 106].

Подтвердив стабильность венгеро-советской границы, Москва создала приемлемую атмосферу для обсуждения с Будапештом «румынского вопроса» [15, док. 43, с. 86—88]. В июне 1940 г. Чаки указал Шаронову, что Румыния, окруженная с трех сторон (СССР, Венгрией и Болгарией), не будет проблемой в отличие от словаков, настраивавших Германию против Венгрии [15, док. 43, с. 86—88]. Вместе с тем даже на фоне параллельных действий против Румынии в Будапеште имелись серьезные сомнения в возможности миролюбивого соседства с СССР. 2 июля 1940 г. Чаки сообщил немецкому посланнику в Будапеште Эрмансдорфу, что в случае если Красная армия пересечет Прут, то Венгрия нападет на Советский Союз [10, doc. 78, p. 87—89]. Готовность Венгрии «идти походом на Москву» венгерский посланник в Берлине Д. Стояи объяснял опасениями за Карпатскую Украину [10, doc. 81, p. 91—92].

Подготовка второго Венского арбитража (30 августа 1940 г.) и словацкий ревизионизм. В апреле 1940 г. венгры все настойчивее стали требовать в Берлине перейти к решению «трансильванского вопроса». Отказывая, Гитлер признался своим приближенным в опасении, что венгры могут привести Россию на Балканы [10, doc. 135, p. 197—198].

Синхронно в начале апреля 1940 г. в дипломатических кругах Будапешта распространился слух, что Словакия совместно с Германией готовит оккупацию Кошице [35, s. 81]. Поддерживая атмосферу напряженности, 21—27 апреля 1940 г. в Братиславе и других словацких городах прошли антимадьярские демонстрации. Протестовавший в Берлине венгерский по-

сланник Д. Стояи услышал, что Германия бессильна сдерживать словацкий ревизионизм [45, o. 128—129]. 6 мая 1940 г. статс-секретарь аусамта Э. Вайцзеккер еще раз напомнил ему, что немецкие симпатии в словацко-венгерском споре лежат на стороне Братиславы [46].

Капитуляция Франции в июне 1940 г. привела к новому европейскому балансу. Москва, получив от Румынии в конце июня 1940 г. Северную Буковину и Бессарабию, создала прецедент для территориальных требований Венгрии и Болгарии. СССР также заявил о готовности поддержать венгерские требования к Румынии как в случае войны, так и на международной конференции. [15, док. 251, с. 415—416]. Венгерский посланник в СССР Й. Криштоффи утверждал, что Кремль хотел увидеть венгеро-румынский вооруженный конфликт, который разрушил бы гегемонию Германии и укрепил позиции СССР [43, dok. 183, o. 259—260].

Резкие протесты Москвы (особенно 29 августа 1940 г. [19, док. 20, с. 73—75]) о надуманных нарушениях румынской авиацией советской границы расценивались в Бухаресте как ультиматумы в поддержку венгерских требований [47, с. 108]. Встречаясь 9 сентября 1940 г. с Шароновым, венгерский политик И. Бетлен высказал благодарность Москве за инциденты на советско-румынской границе, показавшие «истинное отношение» СССР к Венгрии [48, dok. 1, o. 78—82]. Венгрия давала понять, что в случае затягивания решения «трансильванского вопроса» готова начать войну против Румынии. В январе 1940 г. Чаки передал немцам информацию о советском зондаже в Будапеште в случае акции СССР против Румынии [9, doc. 545, p. 676]. Остерегаясь, что вслед за войной на Балканах последует советская экспансия [10, doc. 407, p. 566—570], Гитлер согласился на посредничество в решении венгеро-румынского спора. 30 августа 1940 г. в Вене прошел германо-итальянский арбитраж, по которому Венгрия получила Северную Трансильванию площадью в 43 тыс. кв. км. Уже 31 августа Риббентроп добился подписания Венгрией договора о защите немецкого меньшинства.

В первой половине 1940 г. словацкие дипломаты пытались оживить свои контакты не только с Москвой, но и с Лондоном. Дважды словацкий посланник в Риме Й. Зврушковец (11 января и 29 марта) обращался к англичанам с предложением признать нейтральный статус Словакии и вернуть в Братиславу консула [49, s. 437—439].

Словацкие действия не проходили незаметно в Германии. Венгры также подпитывали Берлин информацией о двурушнической политике Братиславы, обращая внимание то на слухи о переговорах словацкого президента Й. Тисо с лидером чехословацкого движения Сопротивления Э. Бенешем [50], то на подверженность словаков панславизму [10, doc. 284, p. 392—394]. Постепенно в Берлине пришли к решению отстранить основного инициатора политики «качелей» в Словакии Ф. Дюрчанского и разделить возглавляемые им МВД и МИД между более «надежными» А. Махом и В. Тукой [10, doc. 2, p. 16—17; doc. 309, p. 420—422]. После побед вермахта в Норвегии и Франции в апреле — мае 1940 г. Берлин решил показать, что Словакия является частью «лебенсраума» Германии [11, doc. 17, p. 16—18].

27—28 июля 1940 г. Гитлер, встретившись с Тисо, Махой и Тукой в Зальцбурге, вновь пригрозил им венгерским ревизионизмом, обещая в случае дальнейшей нелояльной политики забрать гарантии «Охранного договора». Решение «словацкого вопроса» в Венгрии Риббентроп предлагал отложить на будущее [11, doc. 248, p. 345—349]. Словаки подготовили карты шести зон территориальных претензий к Венгрии: Врабле-Шураны, Лученец, Елшава, Кошицы, Словенске Нове Место и Собранце. В смешанных районах предлагалось провести обмен населением [2, o. 53—54]. Словакия рассчитывала на возращение 3600 кв. км территорий, включая города Кошице, Лученец и Левица, с населением в 350 тыс. чел. (из них 209 тыс. словаков и 100 тыс. венгров) [37, s. 12]. После зальцбургской встречи Дюрчанский и его сторонники были лишены постов, а позиция А. Махи и В. Туки усилилась. Последний пребывал в убеждении, что Гитлер одобрительно отнесся к словацким претензиям к Венгрии.

По-другому оценивал переговоры в Зальцбурге венгерский посланник в Братиславе Д. Сабо, полагая, что «от немцев ничего хорошего ждать не придется». Вместе с тем он считал, что

Гитлер, признав провал «первого словацкого эксперимента», начатого в марте 1939 г., в случае второй неудачи оставит Словакию Венгрии [51].

Непомерно выросшие летом 1940 г. венгерские амбиции в Румынии заставили Берлин вновь вытащить «словацкую карту». В конце июля 1940 г. советский полпред в Братиславе получил информацию из немецкой миссии об ожидаемом частичном удовлетворении словаков в Венгрии [1, s. 171]. Немецкий посланник Г. Кирлингер, встретившись с лидером венгерской общины Словакии Я. Эстерхази 12 августа 1940 г., остро раскритиковал венгерский ревизионизм, отметив опасное сходство политики Будапешта с политикой Дюрчанского [52].

Братислава использовала венгеро-румынский спор как сигнал к действию. 2 августа 1940 г. В. Тука передал венгерскому посланнику Д. Сабо, что ввиду ожидаемого присоединения Трансильвании к Венгрии настает момент для установления словацко-венгерской границы исходя из этнического принципа [6, dok. 261, o. 405—408]. 16 августа 1940 г. Тука и Мах, встретившись с Эстерхази, свели ревизионистские требования к 2,5 тыс. кв. км (включая Кошице) со 140 тыс. населения [53]. 1 сентября Тука на встрече с венгерским министром промышленности Й. Варгой повторил это требование [6, dok. 338, o. 544—546]. Не скрывал оптимизма и словацкий посланник в Будапеште Я. Спишиак, передав Шаронову, что Риббентроп скоро организует коррекцию словацко-венгерской границы [19, док. 17, с. 61—64].

Неожиданно для Братиславы немецкая благосклонность к словацкому ревизионизму быстро иссякла. Удержав Венгрию от «необдуманных шагов» в Румынии, Германия притупила словацкие ревизионистские претензии. 5 сентября 1940 г. немцы ответили на словацкие требования ревизии, что коррекция границ с Венгрией возможна только в обмен на словацкие территории [54]. Уже 10 сентября Риббентроп указал словацкому посланнику М. Чернаку на невозможность проведения в Европе исключительно этнических границ [12, doc. 37, p. 46—47]. Словакам пришлось уменьшить свой напор. Словацкая пресса сосредоточилась на пропаганде расширения прав словацкого населения Венгрии [6, dok. 353, o. 579—581].

Словацко-венгерский спор на фоне кризиса советско-германских отношений. Сформировавшийся после встречи с Гитлером в Зальцбурге политический тандем Тисо — Тука избегал любых шагов, которые могли превратно трактоваться в Берлине. Отношения с СССР были сведены к минимуму, советская миссия в Братиславе была демонстративно взята в сентябре под полицейский надзор [1, s. 179]. В МИД Венгрии доходила информация, что СССР собирался даже закрыть свое представительство в Словакии [55]. Оставив Германии Словакию, Москва не собиралась отступаться от Венгрии. Второй Венский арбитраж, пройдя без участия СССР, вызвал его протесты [15, док. 348, с. 546—547]. Проведению советско-германских консультаций о судьбе Венгрии отводилось особое значение при визите В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. [16, док. 491, с. 30—32]. Арбитраж вместе с неудачными переговорами Молотова в Берлине обозначил начало конца советско-германского сотрудничества, завершившегося нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г. [56].

На присоединение Словакии и Венгрии к Тройственному пакту (20 и 24 ноября 1940 г.) Кремль отреагировал спокойно, подчеркнув их отличие от Болгарии, которая входила в «зону безопасности СССР» [16, док. 699, с. 434—436]. Сохранение хороших отношений между Москвой и Будапештом было символично подтверждено возвращением в Венгрию в марте 1941 г. знамен, захваченных российской армией при подавлении революции 1848 г. в Венгрии [16, док. 729, с. 489], неофициально обмененных на венгерского коммуниста М. Ракоши.

Однако «апрельская» война 1941 г. в Югославии спровоцировала охлаждение между Москвой и Будапештом. Венгрия, не удержавшись от соблазна новой ревизии, предложенной Гитлером [13, doc. 215, p. 369—371], оккупировала югославскую Бачку, Меджумурье и Бараньский треугольник (всего 11,5 тыс. кв. км). Советский Союз не только выразил протест [17, док. 769, с. 553], но и отозвал из Будапешта полпреда, что вместе с сосредоточением советских войск на венгерской границе стало источником серьезного беспокойства в Будапеште

[13, doc. 296, p. 493—496]. Любопытно, что словацкий посланник Спишиак указывал вернувшемуся позже в Будапешт Шаронову, что Братислава заинтересована в сохранении хороших отношений между Венгрией и СССР [16, док. 804, с. 634—635]. Словакия надеялась, что новые приращения Венгрии создадут условия для возвращения словацких земель. Однако 26 апреля 1941 г. Риббентроп указал на нежелательность измения словацко-венгерской границы до конца войны [13, doc. 406, p. 640]. Особое беспокойство в Братиславе проявляли из-за жесткого режима, установленного в Бачке, где проживало 30 тыс. словаков. Для их защиты Братислава использовала «принцип взаимности» (закрепленный в 1939 г. в Конституции Словакии), предполагавший ответные репрессии против венгров Словакии [35, s.162].

В очередной раз Тука поднял вопрос ревизии в июне 1941 г., но снова получил отказ. Вайцзеккер просил словаков бросить свои иллюзии и не мешать стабилизации Дунайского бассейна. Зная о настойчивости Туки, Д. Стояи заявил Риббентропу, что немецкая поддержка словацкого ревизионизма будет носить «катастрофическое влияние» на венгерско-германские отношения [6, dok. 876, o. 1224—1225]. И действительно, следуя «букве и духу» «Охранного договора» с Германией, 22 июня 1941 г. Братислава разорвала дипотношения с Москвой [18, док. 12, с. 22—23], а позже объявила СССР войну.

Ввиду кризиса отношений с Германией Кремль стремился удержать расположение Венгрии, фактически дезавуировав 8 мая 1941 г. свой югославский протест [43, dok. 224, o. 310—311]. 23 июня 1941 г. Молотов попытался гарантировать нейтралитет Венгрии поддержкой новой ревизии в Трансильвании [18, док. 11, с. 21—22]. Однако 27 июня, обвинив Москву в организации бомбежки Кошице, Венгрия объявила войну СССР [18, док. 138, с. 201—203].

Безуспешность попыток ревизии южных границ Словакии подталкивала Будапешт и Братиславу к нормализации отношений. Основным источником взаимных претензий оставалось положение словацкого (около 400 тыс. чел.) и венгерского (менее 100 тыс. чел.) национальных меньшинств. 22 мая 1941 г. выселенным ранее словакам и венграм было разрешено возвратиться к местам прежнего проживания [57]. Важным успехом Братиславы стало создание 21 августа 1941 г. Партии словацкого национального единства, претендовавшей на роль представительницы интересов всех словаков Венгрии [58, s. 160—161, 167].

Сложная эволюция внешнеполитического курса Словакии и Венгрии, пройденного в 1939—1941 гг., завершилась объявлением войны СССР (в июне 1941 г.), Великобритании и США (в декабре 1941 г.). Окончательно попав в немецкий лагерь, хортистский и тисовский режимы похоронили надежды на ревизию, поскольку Берлин отказывался поднимать вопрос перекройки границ между своими сателлитами до окончания войны.

Страны антигитлеровской коалиции, одобрив аннулирование Венских арбитражей 1938 г. и 1940 г., поддержали восстановление Чехословакии и словацко-венгерской границы 1937 г. Советский Союз, аннексировав в 1945 г. Подкарпатье, показал, что разговоры 1939—1941 гг. о заинтересованности Москвы в проникновении за Карпаты не были лишены смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Čierná-Lantayová, Dagmar.* Tradicía a dejiny. Vybrané otázky zo slovensko-maďarských a slovesnko-ruských vzt'ahov (1934—1949) / Dagmar Čierná-Lantayová. Bratislava : Typoset, 2009. 270 s.

2. *Janék, István.* A szovejv diplomácia és a szlovák-magyar viszony alakulasá 1939—1940 között. 41—60 o. / István Janék // Fórum tarsadalomtudományi szemle. XII évfolyam. Somorja, 2010/4.

3. *Марьина, В. В.* Словакия в политике СССР и Германии / В. В. Марьина // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М. : Индрик, 1999. С. 198—240.

4. Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához, 1936—1945. K. IV. Budapest : Akadémiai kiadó, 1962. o. 905.

5. A Wilhelmstrasse és Magyarország. Német diplomáciai iratok Magyarországról. 1933—1944. Budapest : Kossuth könyvkiadó, 1968. o. 1005.

6. Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához, 1936—1945. K. V. Budapest : Akadémiai kiadó, 1982. o. 1427.

7. Documents on German foreign policy. 1918—1945. Series D (1937—1945) (далее — DGFP. SD). Vol. VI: The last months of peace. March — August 1939. London : Her majesty's stationary office, 1956. 1149 p.

8. DGFP. SD. Vol. VII: The last days of peace. August 9 — September 3, 1939. London : Her majesty's stationary office, 1956. 670 p.

9. DGFP. SD. Vol. VIII: The war years. September 4, 1939 — March 18, 1940. Washington : Government printing office, 1954. 974 p.

10. DGFP. SD. Vol. IX: The war years. 18 March — 22 June, 1940. Washington : Government printing office, 1956. 729 p.

11. DGFP. SD. Vol. X: The war years. 23 June — August 31, 1940. Washington : Government printing office, 1957. 615 p.

12. DGFP. SD. Vol. XI: The war years. September 1, 1940 — January 31, 1941. Washington : Government printing office, 1960. 1267 p.

13. DGFP. SD. Vol. XII: The war years. February 1 — June 22, 1941. Washington : Government printing office, 1960. 1109 p.

14. Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. 22. Кн. 2: 1 сентября — 31 декабря 1939 г. М. : Междунар. отношения, 1992. 688 с.

15. ДВП. Т. 23. Кн. 1: 1 января — 31 октября 1940 г. М. : Междунар. отношения, 1995. 752 с.

16. ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1): 1 ноября 1940 г. — 1 марта 1941 г. М. : Междунар. отношения, 1998. 448 с.

17. ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 2): 2 марта — 22 июня 1941 г. М. : Междунар. отношения, 1998. 448 с.

18. ДВП. Т. 24. 22 июня 1941 — 1 января 1942. М. : Междунар. отношения, 2000. с. 632.

19. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы российских архивов. М. : РОССПЭН, 2000. 455 с.

20. *Krajčovič, M*. Medzinárodné súvislosti slovenskej otázki 1927/1936—1940/1944: madarské dokumenty v porovnan s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe / M. Krajčovič. Bratislava : SAP, 2008. 439 s.

21. *Мельтюхов, М. И*. Упущенный шанс Сталина. Советский союз и борьба за Европу: 1939—1941 / М. И. Мельтюхов. М. : Вече, 2000. 544 с.

22. Deák, L. Viedenská arbitráž. 2. november 1938. Dokumenty III.: rokovania (3. november 1938 — 4. april 1939) / Ladislav Deák. Martin : Matica Slovenská, 2005. s. 456.

23. Slovenský národní archiv, Bratislava (далее — SNA). f. MZV SŠ. Kart. 112 — Slovenské vóslanectvo v Berline. Berlin. 23.V.1939.

24. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Politická zpráva. Č. 1/1939. 27.04.1939.

25. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Ministerstvo národnej obrany. Čís. 52304. Dôv./2. oddel. 1939. Bratislava, 15 juna 1939. Prehled.

26. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Prezídium krajinského úradu v Bratislave. Číslo: 37.258/1939 prez. Bratislava. 30 juna 1939. Podpisová akcia gr. kat. knazov namierená proti Slovenskému štátu.

27. SNA, f. MZV SŠ. k. 129 — Memorandum. Č. 8928/39. 29. 07. 1939.

28. Magyar Országos Levéltár, Budapest (далее — MOL). f. KÜM. K-64, 89 cs., 1940, 65 tétel. 1939. julius 6.

29. MOL. f. KÜM. K-64, 84 cs., 1939, 65 tétel. 134/főn. pol. 1939. Róma. 1939 évi julius 6.

30. *Romsics, Ignác*. A magyar külpolitika útja Trianontól a háborúig / Ignác Romsics // Rubicon. 2000, IX. O. 17—24

31. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Čísl. 11171/dôv. 2. Oddel. 1939. 16 septembra 1939. Záložníci v obci Štos, Níž. a Vyš. Medzev útek do Madarska.

32. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Zpráva o politickej situácii. 6 septembra 1939.

33. MOL. f. KÜL. K-64, 84 cs., 1939, 65 tétel. Note verbale 3684/1939. 1939. IX. 11.

34. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Slovenské vyslanectvo v Belehrade. Č. 452/1939. Belehrad. 2. decembra 1939.

35. *Spišiak, Ján*. Spomienky z Budapešti. 1939—1944 / Ján Spišiak. Bratislava : Slovak Academic Press, 2010. 465 s.

36. SNA, f. MZV SŠ. k. 112 — Prezidium ministerstva vnútra. 20.118/1939. prez. Bratislava, 18 îktobra 1939. Zprávy z madarského pohraničia.

37. *Lipták, L*. Ma arsko v politike Slovenského štátu v rokoch 1939—1943 / L. Lipták // Historický časopis. Č.1, ročník XV, 1967. S. 1—33.

38. SNA, f. MZV SŠ, k. 112 — Slovenské vyslanectvo v Belehrade. Č. 139/1939. Belehrad. 2. okt. 1939.

39. *Дорошенко, В. Л.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года / В. Л. Дорошенко, К. В. Павлова, Р. Ч. Раак // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 3—20.

40. *Kolontari, Attila.* Hungarian-Soviet relations. 1920—1941 / Attila Kolontary. New York : Columbia Univ. Press. 2010. 566 p.

41. *Марьина, В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 / В. В. Марьина. Москва : Новый хронограф, 2003. 303 с.

42. MOL. f. KÜM. K-64, 84 cs., 1939, 47 tétel. Tamás jelenti. 1939. IX. 26.

43. A moszkvai magyar követség jelentései 1935—1941 / Pastor Peter (szerk.). Budapest, 1992. o. 388.

44. *Čierna-Lantayová, Dagmar.* Poh ady na východ. Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934—1944 / Dagmar Čierna-Lantayová. Bratislava : Veda, 2002. 268 s.

45. *Janék, István.* Magyar-szlovák kapcsolatok 1939—1941 között a két állam diplomáciai irataiban / István Janék // Aetas 22. Évf. 2007/4. Î. 116—142.

46. SNA, f. MZV SŠ, k. 113 — Úradný záznam Bratislava. 8 maja 1940.

47. *Исламов, Т. М.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940—1946 годы / Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова. М. : Индрик, 2008. 240 с.

48. *Seres, Attila.* Újabb szovjet dokumentumok a második bécsi döntés és magyar-syovjet kapcsolatok történetéhez (1940) / Attila Seres // Pont. Társadalom tudományi folyóirat. 2004/1. O. 64—95.

49. *Katrebová-Blehová, Beáta.* Pokusy Ríšskeho ministerstva zahraničných vecí o odvolanie Karola Sidora v dôsledku salzburských rokovaní / Beáta Katrebová-Blehová // Slovensko medzi 14. marcom 1939 a salzburskými rokovaniami. Prešov : Universum, 2007. S. 434—444.

50. MOL. f. KÜM. K-64, 89 cs., 1940. 65 t.. 238. Magyar királyi követség Berlinben.1940, március.15. 141/Res.Pol. 1940.

51. MOL. f. KÜM. K-64, 89 cs., 1940, 65 tétel. 574. Magyar királyi követség Pozsonyban. 1940. VIII. 14.

52. MOL. f. KÜM. K-64, 89 cs., 1940, 65 tétel. 206. 1940. Aug. 12. Отчет Я. Эстерхази.

53. MOL. f. KÜM. K-64, 89 cs., 1940, 65 tétel. 206. 1940. VIII. 16. Отчет Я. Эстерхази.

54. MOL. f. KÜM, K-64, 89 cs., 1940, 65 tétel. 650. Magyar királyi követség Pozsonyban. 1940. IX. 9.

55. MOL. f. KÜM, K-64, 89 cs., 1940, 65 tétel. 190. Res.Pol. 1940. Ő. 8.

56. *Сальков, А. П.* СССР и Второй Венский арбитраж: Дипломатические оценки результатов и последствий / А. П. Сальков // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 3. С. 60—66.

57. SNA, f. MZV SŠ. k. 113. Opis. Príloha k č. 32.536/II. Slovenská národní skupina v Madarsku v májí 1941.

58. *Böhm, Emanuel.* V šestiročnom zajatí. (Spomienky na roky 1938—1945) / Emanuel Böhm. Martin : Matica Slovenska, 1994. 239 s.

РЕЗЮМЕ

Статья сфокусирована на словацко-венгерских отношениях в контексте советско-германского антагонизма (1939—1941). Словакия и Венгрия пытались опираться на эти две силы, чтобы достичь своей ревизионистской цели. И, наоборот, они использовались Берлином или Москвой в их дипломатических раскладах. Братислава поднимала территориальный вопрос в сентябре 1939 г., апреле и августе 1940 г., апреле и июне 1941 г. — каждый раз, когда европейская ситуация дестабилизировалась. Эти попытки, особенно учитывая стремление Венгрии возвратить Трансильванию, позволяли Будапешту воспользоваться советскими территориальными амбициями в Румынии.

SUMMARY

Article focuses on Slovak-Hungarian relations in the context of Soviet-German framed antagonism (1939—1941). It tends to show that Slovakia and Hungary tried to rely on those two powers in order to achieve their revisionist aims. Reversely, they were exploited by Berlin or Moscow in their diplomatic checkerboards. Indeed, Bratislava raised territorial issues in September 1939, April and August 1940, April and June 1941, when the European situation was destabilised. Those attempts especially when, willing to recover Transylvania, Budapest tried to take advantage of Soviet territorial ambitions in Romania.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2011 г.